

выбор Михаила Трофименкова

**«ВОЗВРАЩЕНИЕ
ДОКТОРА ИКС»**
ВИНСЕНТ ШЕРМАН
(1939)

Единственный фильм ужасов, в котором сыграл Хамфри Богарт: этого достаточно, чтобы заинтересоваться дебютом Винсента Шермана, заурядным минималистским опусом «категории Б». Богарт об этом фильме не любил вспоминать. Участие в нем означало

бесповоротное профессиональное падение сорокалетнего актера: чудо «Мальтийского сокола» случится через два года. Но Богарт в роли (если это можно назвать ролью) медбрата Квисна, он же — воскрешенный из мертвых садист-экспериментатор, доктор Морис Ксавье, действительно хорош: седая прядь, выбеленное лицо, оскал кровососа. И он, и так же — пусть и не совсем удачно — воскрешенная кинозвезда Анджела Меррова (Лиа Лис, она же — Наташа Маргулис, играв-

шая, кстати, в «Золотом веке» Луиса Бунюэля) выглядят так, словно, готовясь к любительскому спектаклю, переборщили с белилами. Что поделать: каков бюджет, таковы и спецэффекты. Впрочем, именно в этой скупоści эффектов и заключается прелесть истории о бравом журналисте Уолтере (Уэйн Моррис), разоблачившем профессора Флэга (Джон Литель), преступившего во имя науки все этические нормы.

**«ЧЕЛОВЕК ИЗ ВЫСШЕГО
ОБЩЕСТВА»**
РИЧАРД УОЛЛЕС
(1931)

Фильм Ричарда Уоллеса, успевший появиться перед тем, как на Голливуд опустился железный цензурный занавес, — полезное дополнение к «Полночи в Париже» Вуди Аллена: противоядие от прекрасного мифа об «американском Париже» 1920-х, населен-

ном сплошными Хемингуэями и прочими Фицджеральдами. На крючок этого мифа попадает пенсильванская кобылка Мэри (отмененная Кэрол Ломбард), влюбившись в элегантно усталого Майкла (Уильям Пауэлл), писателя-экспата, знающего, в каком кабаке у какой парижской заставы варят лучший луковый суп. Писатель он лишь в том смысле, что издает шантажистский листок, освещающий ночные эскапады оторвавшихся от семейного очага деловых янки. Впрочем, смысл лист-

ка как раз в том, чтобы он не увидел света. Жертвы Майкла, которым он представляется как ангел-хранитель от грязных шантажистов, предпочитают раскошелиться при виде гранок завтрашнего номера, как раскошелится дядюшка Мэри (Гай Кибби). Фильм интересен не только рассказом о популярной в те годы криминальной практике, но и специфическим горьким цинизмом «потерянного поколения».

«ВСЕ НАЧАЛОСЬ С ЕВЫ»
ГЕНРИ КОСТЕР
(1941)

Дина Дурбин, образцовая «Золушка» 1930-х — андроид, запрограммированный вызывать у зрителей умиление, только умиление и ничего, кроме умиления. Созерцая этого ангела чистой красоты, поневоле взмолишься: хотя бы крохотный изъян, неприметный психологический шрам

подарил ей Голливуд. Как же, дождешься. Фильм Генри Костера — с точки зрения сценария — недурная комедия положений. Миллионер Рейнольдс (Чарльз Лоутон) не хочет отдать богу душу, не увидев невесту сына (Роберт Каммингс). Но стерва Глория (Маргарет Таллигет) шляется по магазинам. Вот и приходится Джонни явить папе нанятую за 50 долларов бедную, честную Энн (Дурбин). Завидев ее, старик закуривает сигару и вылезает из гроба: оказывается, он вовсе не тиран, а пупсик-дедушка. Лоутон —

гений, но и он не в силах преодолеть удушливую благодать, окутывающую Дурбин. Забавна лишь одна шутка. Энн, оказавшаяся еще и замечательной певичкой, умоляет Рейнольдса познакомить ее с кумиром — дирижером Леопольдом Стоковским. Видать, забыла Дурбин, что играла с ним в фильме того же Костера «Сто мужчин и одна девушка» (1937).

«ВЕСЕЛО МЫ ЖИВЕМ»
НОРМАН З. МАКЛЕОД
(1938)

Норман З. Маклеод (1898–1964), возможно, лучший голливудский комедиограф 1930–1940-х годов. Это он повинен в ярчайших безумствах братьев Маркс («Лошадиные перья», 1932) и Уильяма Филдса («Вот это подарок!», 1935). «Весело мы живем» — комедия ошибок, увенчанная оргией

обмороков, в которые, как кегли, валяются все обитатели поместья Килборнов. Там вообще единственный нормальный человек — дворецкий Батлер (Алан Моубрей), но и ему не вырваться из круга семейного помешательства. Странные глава семьи (Кларенс Колб) и его трое детей между тем дружно полагают, что не в себе миссис Килборн (Билли Барк), упорно нанимающая в шоферы одного бродягу за другим, пока в доме вообще не остается семейного серебра. Безумие достигнет апогея, когда в шоферскую ливрею втиснут приبلудного

писателя Уэйда (Брайан Ахерн). Лишившись автомобиля, он постучал в дверь шизанутого семейства лишь затем, чтобы воспользоваться телефоном, но кто же будет слушать его объяснения! В принципе, фильм вполне бестактно пляшет на костях жертв Великой депрессии, но пляшет так весело, что о морали можно и позабыть.

«КРЕПОСТЬ ЧЕЛОВЕКА»
ФРЭНК БОРЗЭЙДЖ
(1933)

Чудесный, по-хорошему сентиментальный, но никогда не фальшивящий, фильм Фрэнка Борзэйджа остается в тени его немых шедевров. Сравнить его можно лишь с «Аталантой» (1934) «проклятого поэта» Жана Виго,

манифестом радикально поэтического кино. Как и у Виго, речь здесь идет о маргиналах. Бездомная Трина (Лоретта Янг) принимает человека-сэндвича Билла (Спенсер Трейси) за джентльмена: он курит сигару и носит казенный цилиндр. Билл распускает руки, не прочь при случае ублажить дорожную шутку, не знает слов любви, но и без этих слов они счастливы в бидонвиле обездоленных, прилепившемся к железнодорожным путям. Гром поездов аккомпанирует их жизни, как у Виго — плеск Сены (а

молодой Трейси чем-то похож на Мишеля Симона). Билл, озабоченный судьбой намечающегося у Трины ребенка, ступает на кривую дорожку и должен бы бесславно сгинуть, но судьба и режиссер распоряжаются так, чтобы любовникам был дарован хеппи-энд, вроде бы и реалистический, но какого-то даже не сказочного, а мистического свойства. Недаром Борзэйджа так любили сюрреалисты.

«ОБЕД В ВОСЕМЬ»
ДЖОРДЖ КЬЮКОР
(1933)

Джордж Кьюкор, едва покори Голливуд, снял жестокий и мощный групповой портрет людей, старающихся уверить себя, что они — еще люди из высшего общества. В эту светскую драму по пьесе Джорджа С.

Кауфмана и Эдны Фербер уже упакованы грядущие Теннесси Уильямс с Эдвардом Олби и Артуром Миллером в придачу. Никого не жалко, но жалко всех частных к обеду в честь так и не явившихся лорда и леди Фернклиффов. Обезумевшую от кухонных драм Миллисент и ее мужа Оливье (Лайонел Бэрримор), скрывающего свой финансовый крах. Синефила Эда, досадующего, что обед сорвался поход в кино, и спившегося актера-звезду Рено (Джон Бэрримор), патетически убивающего себя.

Доктора Тэлбота, устало клянущегося жене больше не изменять ей, и его любовницу, проводящую жизнь в постели, платиновую Китти (Джин Харлоу). Влюбленную в Рено юную Полу, вынужденную держать лицо, зная, что он уже мертв, и никому не нужную старую кузину Хэтти, приглашенную на обед только для ровного счета гостей. Вроде бы просто картина современных нравов, а по эмоциональной силе — маленький апокалипсис.